

УДК 94(71).02

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАНАДЕ КОНЦА XVIII ВЕКА

© 2014 г. **И.М. Нохрин***
Челябинский государственный университет

Статья посвящена влиянию Великой французской революции и англо-французской войны 1793–1802 гг. на социально-политические процессы в Канаде. Особое внимание уделено изучению межэтнических отношений в Британской Северной Америке конца XVIII века.

Ключевые слова: история Канады, англо-французская война 1793–1802 гг., межэтнические отношения в Канаде, франкоканадцы, национализм в Канаде, межнациональные отношения в Канаде.

Историю Канады после её аннексии Великобританией в 1763 г. долгое время было принято рассматривать через призму межэтнических противоречий англо- и франкоканадцев и борьбы последних за независимость. Такой подход характеризовал как, собственно, франкоканадских историков [11; 13; 5], так и советских, и российских исследователей [3; 2; 1]. Не отрицая, в целом, значимости проблемы национально-освободительной борьбы и межэтнических конфликтов, необходимо отметить, что в рамках этого подхода остался неразрешённым целый ряд неоднократно поднимавшихся вопросов. Один из них касается событий Великой французской революции 1789–1799 гг. и англо-французской войны 1793–1802 гг. и может быть поставлен следующим образом: почему франкоязычное население Канады, многократно превосходившее по численности завоевателей (160 тыс. чел. к 10 тыс. чел. в 1792 г. [36, р. 94]), не предприняло в годы войны никаких попыток избавиться от британского господства? Если межэтнический конфликт действительно носил столь непримиримый характер, то почему он не обострился в столь трудный для английских колониальных властей момент, когда силы и внимание Британской империи оказались полностью прикованы к европейскому театру боевых действий?

Для ответа на этот вопрос следует отказаться от аксиомы о перманентной враждебности англо- и франкоканадцев и выяснить, какие социально-политические процессы определяли их взаимоотношения в конце XVIII века.

* **НОХРИН Иван Михайлович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Челябинского государственного университета.
E-mail: ivan-nokhrin@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-31-01213.

Французская угроза Британской Северной Америке

Сведения о революции во Франции начали поступать в Канаду в 1789 г. Постепенно они дополнялись подробностями и привлекали большое внимание общественно-политических кругов. Их франкоканадская часть с большим энтузиазмом встретила эти, как выразился кто-то из современников, «самые значимые со времени рождения Христа» события [33, р. 3]. Газеты приветствовали принятие Конституции и Декларации прав человека и гражданина, одобряли первые мероприятия революционного правительства как, например, введение свободы печати и отмену сословий. «Люди больше не хотят мириться с социальным и экономическим неравенством, что базируется лишь на факте рождения или воле короля», – писала «Квебек газетт» [33, р. 3]. В Квебеке даже печатались труды французских просветителей и собирався для обсуждения политических вопросов Конституционный клуб, куда входили и некоторые члены колониальной ассамблеи.

Но после появления в 1793 г. новостей о казни короля и начале войны между Францией и Великобританией всё изменилось. После того, как 24 апреля 1793 г. лейтенант-губернатор Нижней Канады А. Кларк объявил о начале боевых действий, даже те франкоканадские общественно-политические деятели, кто прежде симпатизировал революции и республике, предельно ясно заявили о своей лояльности Британской короне. С подачи А. Кларка ассамблея Нижней Канады, состоявшая из 16 британских и 34 франкоканадских депутатов, единогласно подтвердила верность Георгу III, поддержала приостановку действия закона «О неприкосновенности личности» (*Habeas Corpus Act*)*, введение в колонии военного положения и приняла закон «Об иностранцах». Последний, практически, закрывал Канаду для посещения всех иностранцев, кроме выходцев из Великобритании, поскольку каждый въезжающий должен был получать разрешение на пребывание лично у губернатора [15, р. 308]. Депутаты легислатуры, а также Законодательного и Исполнительного советов при губернаторе подписали в Квебеке и Монреале «декларации верности», в которых подтверждали свою преданность британским властям и законам и обязывались подавлять смуту и поддерживать общественный порядок [18, р. 397].

Военная угроза в Северной Америке очень быстро стала реальностью. Ещё в конце 1792 г. жирондистское правительство Франции назначило послом в США зарекомендовавшего себя в революционной деятельности Э. Женэ. Он был отправлен через океан с заданием подготовить военно-политический союз двух республик и организовать захват Луизианы и Канады [4, р. 201-211]. Момент выглядел весьма подходящим: отношения США и Великобритании оставались крайне напряжёнными, а Франция была заинтересована в отвлечении вражеских сил на заокеанский театр военных действий [8, р. 55-141]. Интересно, что

* Закон «О неприкосновенности личности» принят английским парламентом в 1679 г.; один из основных конституционных актов Великобритании. Согласно этому закону, судьи были обязаны по жалобе лица, считающего свой арест или арест кого-либо другого незаконным, требовать срочного представления арестованного суду для проверки законности ареста или для судебного разбирательства; заключение обвиняемого в тюрьму могло производиться только по предъявлению приказа с указанием причины ареста.

Париж выражал готовность оказать Вашингтону помощь в захвате Канады, но не вёл и речи о возвращении себе утраченной 30 лет назад колонии [3, с. 112].

К несчастью для французского правительства, уже через две недели стало ясно, что миссия Э. Женэ потерпела неудачу. Война с Великобританией и её союзниками оценивалась в Белом доме как слишком серьёзный вызов для вооружённых сил и финансов молодой американской республики. Поэтому в апреле 1793 г. Вашингтон заявил о своём нейтралитете в европейском конфликте, и проекты американо-французского сотрудничества потеряли всякий смысл [9, р. 66-101].

Однако сам Э. Женэ не стал возвращаться на родину. Он решил продолжать деятельность в Америке и разработал план вторжения в Канаду силами вест-индского флота, стоявшего в тот момент на якоре в заливе Нью-Йорка, и волонтёров, набранных из жителей Новой Англии французского и ирландского происхождения [4, р. 234-235, 239-240, 264-265]. В распоряжении посла оказались 15 военных кораблей и 2500 добровольцев, не считая отрядов из Вермонта, обещавших присоединиться позднее. С ними Э. Женэ планировал уничтожить английские рыболовецкие базы на Ньюфаундленде, захватив не менее шести десятков кораблей, вернуть под республиканский флаг острова Сен-Пьер и Микелон, сжечь Галифакс и, наконец, высадиться в Квебеке [38, р. 138-152]. Несмотря на наличие фактора неожиданности, офицеры французского флота посчитали эту импровизацию слишком рискованной и предпочли не проводить экспедицию, а отправиться во Францию.

Новая неудача не обескуражила энергичного посла. Оставшись без какой-либо реальной возможности организовать вторжение в Канаду, Э. Женэ направил усилия на подготовку восстания франкоканадцев. В этом ему пришёл на помощь радикально настроенный печатник из Монреаля А. Мезье. Новый знакомый написал памфлет, в котором изложил послу республики свою версию положения дел в Канаде. Он доказывал, что военные позиции и авторитет англичан в Канаде ничтожны и что канадцы не желают защищать английского короля и «готовы сбросить иго тирана». По словам А. Мезье, жители провинции доведены до крайней степени недовольства притеснениями английских чиновников и военных, с трудом терпят тяжёлые повинности в пользу сеньоров и священников, проникнуты желанием перемен, а потому готовы повторить опыт французской революции [3, с. 113].

Полностью доверившись словам А. Мезье, Э. Женэ написал памфлет «Свободные французы – братьям в Канаде» [6, р. 158-162]. В нём посол от имени Франции приносил извинения за проигранную Семилетнюю войну, но заверял, что с тех пор «братья по другую сторону океана» не забывали канадцев и до сих пор испытывают душевную привязанность к ним. Он призывал жителей Квебека объединиться с «друзьями американцами, французами и индейцами» и поднять оружие против угнетателей, сбросить иго сеньоров и иностранных завоевателей и обрести независимость.

Основную часть памфлета заняло описание тех благ, которые ожидают канадцев после освобождения от Великобритании. Им обещалась отмена сеньориальных титулов и связанных с ними повинностей, полная свобода торговли при отсутствии привилегий отдельным компаниям или купцам, выборность всех органов власти, демократизация церковной жизни, перевод образования в ведение государства, развитие наук и даже приобщение индейцев к достиже-

ниям цивилизации. От мести английского короля их должен был спасти союз с «самыми свободными и прогрессивными державами мира» – Францией и США [6, р. 158-162]. А. Мезье удалось распространить в Нижней Канаде порядка 350 экземпляров этого памфлета, а также брошюры с французскими революционными песнями, сочинения Т. Пейна и другие подобные материалы. Несколько сочувствующих франкоканадцев взялись распространять слухи о скором прибытии войск республики в надежде спровоцировать восстание.

Самому Э. Жене не довелось увидеть результатов проделанной работы. В феврале 1794 г. якобинское правительство лишило его официального статуса и потребовало возвращения во Францию. Британские же власти в Верхней и Нижней Канаде очень быстро узнали о распространяемой пропаганде [32, р. 57]. И, судя по всему, агитация вызвала немалый резонанс среди франкоканадских крестьян, особенно в пограничных с США областях. В частности, полковник Р.Г. Ингланд, пребывавший летом 1794 г. в районе Детройта, охарактеризовал настроения абитанов (от фр. *habitant* – самоназвание франкоканадских крестьян [36, р. 35]) как «очень близкие к мятежу» [34, vol. 2, р. 334]. А У. Грант – землевладелец и член ассамблеи Верхней Канады требовал от лейтенант-губернатора введения военного положения, поскольку провинция «находилась под угрозой вторжения и восстания» [16, р. 304].

Консенсус канадских элит

Британская колониальная администрация отреагировала уже упомянутым выше законом «Об иностранцах», введением военного положения и приостановкой закона «О неприкосновенности личности», что позволяло без суда и следствия заключать в тюрьму любых неугодных лиц. Но всё это имело весьма незначительный эффект в сельской местности. В слабо контролируемых властями аграрных районах решающее значение имела позиция франкоязычных сеньоров. А те, в свою очередь, напуганные эгалитаристской риторикой революционеров и их эмиссаров в Северной Америке, с большим энтузиазмом пришли на помощь британцам. В 1794 г. в Квебеке, Монреале и Труа-Ривьере несколько членов Законодательного и Исполнительного советов создали так называемые Верноподданнические ассоциации. Их главной задачей провозглашалось «донесение до франкоканадцев вестей об ужасах революции», «раскрытие вражеских агентов» и «распространение чувств благодарности за блага, что принесло британское правление» [19, vol. 99, р. 299-302; 19, vol. 100, р. 369; 30, 23.10.1794]. Учредители этих организаций при содействии франкоканадских кюре и землевладельцев развернули пропагандистскую кампанию по всей Канаде. По свидетельствам Ф.-У. де Гаспэ и герцога де ля Рошфуко-Лянкура, нередко сами сеньоры собирали крестьян и «разоблачали» перед ними опасные заблуждения» [12, р. 85-86; 10, р. 210].

Один из франкоязычных землевладельцев, сеньор Дено даже выступил с пламенной речью в ассамблее Нижней Канады, рассказав о шести причинах, почему он ощущал себя верным британским подданным и не собирался поддерживать французов в случае их вторжения в провинцию. Во-первых, по условиям Парижского мира 1763 г. Канада уже не являлась частью французского государства, во-вторых, в силу клятвы верности, принесённой английскому монарху, в-третьих и в-четвертых, из благодарности за защиту католической

религии, а также человечность и доброту, проявленные британской администрацией после завоевания, в-пятых, поскольку Франция охвачена неприемлемыми революционными идеями, и в-шестых, потому, что вторжение и война были бы «угрозой свободе, законам, религии и моральным устоям всех канадцев» [33, р. 4]. При этом источники не зафиксировали ни одного случая, когда бы франкоканадские сеньоры выступили с поддержкой или сочувствием к происходившим во Франции событиям, либо выразили желание возвращения Канады под французский суверенитет.

Самую большую активность проявило католическое духовенство. Оно было шокировано казнью «помазанника божьего» Людовика XVI и политикой французских республиканских правительств по отношению к церкви. В ноябре 1793 г. епископ Юбер разослал по приходам циркуляр, в котором требовал от кюре признать «полностью прерванными все узы, когда-либо существовавшие с Францией», и напоминать, что верность и преданность, прежде соединявшие канадцев с французским монархом, теперь принадлежат британскому королю. «Французы должны быть полностью выдворены из этой провинции», – предельно чётко требовал епископ [36, р. 99].

Чтобы не быть голословным, Юбер распорядился отказывать в проведении церковных таинств всем замеченным в симпатиях к республиканским идеям [31, р. 289]. А позднее, его коллега епископ П. Дено даже устроил торжественное богослужение в честь «возрадовавшей сердца» победы адмирала Нельсона над французским флотом при Абукире [36, р. 100].

Рядовые священники старались не отставать в выражении верноподданнических чувств. «Прежде завоеватели внушали нам только леденящий душу страх. Мы не могли поверить, что эти люди, чуждые нашему языку, законам, традициям и вере, смогут дать нашей стране то, что она потеряла со сменой суверенов, – заявил Ж.-О. Плесси на похоронах епископа Бриана в июне 1794 г. Но эта щедрая нация не раз наглядно доказывала, насколько ложными были такие предрассудки. Эта трудолюбивая нация обогатила нашу землю и позволила ей расцвести... благотельная нация... добрая нация, которая дала нам всю необходимую свободу и уважает нашу религию. Нет, нет, нет, это не наши враги» [36, р. 100]. Среди приходских священников даже распространилось поверье, что само завоевание Канады англичанами было не чем иным, как частью божественного замысла по спасению её жителей от тяжелейшего преступления – убийства «помазанника божьего» и «отца народа», короля Людовика [14, р. 125-164].

Однако действенность агитации Верноподданнических ассоциаций была ограничена. С одной стороны, она выглядела неубедительной для тех немногих представителей канадской интеллигенции, вроде депутатов ассамблеи Ж. Папино и Ж.-А. Панэ, кто был знаком с сочинениями французских просветителей и имел устоявшиеся политические взгляды. Они понимали революцию гораздо шире, нежели обычный бунт «отвратительных убийц» и «жестоких каннибалов» [30, 31.01.1793; 12, р. 86], и некоторые даже симпатизировали демократическим идеалам. В общественно-политической жизни Канады этих людей можно было бы назвать радикалами. Их инициативы о чётком разделении исполнительной и судебной власти в провинции, введении суда присяжных по делам государственной важности и сокращении срока ареста без предъявления обвинения до восьми дней встречали непонимание и последовательно от-

клонялись большинством депутатов ассамблеи [16, p. 196-200, 304]. Однако даже им было несвойственно выражать симпатии революции или с воодушевлением ожидать французского вторжения.

С другой стороны, положение франкоязычного крестьянства за последние десятилетия сильно ухудшилось. И большинство регионов уже не первый год пребывали в состоянии постоянного социального напряжения. Пользуясь своей неподконтрольностью, многие сеньоры произвольно повышали ренту, сгоняли абитанов с нажитых земельных участков, устанавливали новые повинности и всячески нарушали традиционные права арендаторов, прежде закреплённые французскими статутами, а ныне никак не защищённые. Особенно тяжёлая ситуация складывалась во владениях новоявленных англоязычных помещиков. Многие из них стремились к получению максимальной прибыли со своих участков и не испытывали никакого сочувствия к населявшим их земледельцам. И если в годы французского господства крестьяне имели право искать защиту у интенданта провинции и споры, бывало, заканчивались и в их пользу, то в 1780-е – 1990-е годы британские власти просто игнорировали все подобные конфликты, хотя и были прекрасно о них осведомлены [22, vol. 67, p. 89-97; 19, vol. 100, p. 326-329, vol. 22, p. 23-24; 37, p. 231; 10, p. 206].

Ситуация усугубилась сильным неурожаем 1795 г. и сопутствовавшим ему голодом. К несчастью для канадского крестьянства цены на зерно на британском и европейском рынках в предшествовавшие годы только росли и землевладельцы не собирались даже временно снижать взимаемую ренту, как это было принято в годы французского правления [29, p. 151-157]. Абитаны оказались в странной ситуации, когда их обязательства по отношению к сеньорам оставались в силе, но при этом последние сложили с себя всякую ответственность за судьбу жителей поместий.

Позиция франкоязычного крестьянства и обострение межэтнических противоречий

Стремительное ухудшение условий существования делало крестьян восприимчивыми к любой пропаганде, особенно если речь заходила об отмене налогов. И, наоборот, лишало доверия сеньоров и кюре. Это было очевидно даже для современников. В частности, генеральный прокурор Нижней Канады Дж. Монк обвинял в мятежных настроениях крестьянства как раз местных землевладельцев. «Ренты и повинности, налагаемые сеньорами, создают ту почву для недовольства, которую используют враги Его Величества, – описывал он ситуацию министру внутренних дел Г. Дандасу, – именно по причине бедственного положения их [*крестьян*. – *И.Н.*] так легко убедить в чём угодно» [19, vol. 100, p. 329].

В результате абитаны мало верили рассказам об «ужасах революции» и намного охотнее внимали словам агентов французского посла. Даже известие о казни короля повсеместно подвергалось сомнению. Ходили слухи о сговоре сеньоров с британскими властями с целью не допустить возвращения Канады под власть Франции [21, vol. 22, p. 119; 20, vol. 11, p. 6469; 12, p. 85-86].

И похоже, за исключением генерального прокурора, британские власти недооценивали уровень недовольства канадских крестьян. И генерал-губернатор Г. Карлтон, и лейтенант-губернаторы А. Кларк и Дж. Симко считали, что глав-

ная угроза исходит не от Франции или, тем более, от абитанов, а от США. В частности, последний не верил в возможность высадки в Канаде французского десанта, но всерьёз опасался вторжения американских войск, либо вылазок индейцев, инспирированных Конгрессом [34, vol. 1, p. 52]. Страх агрессии со стороны соседней республики одолевал и губернаторских советников. «Американцы просто одержимы непреодолимой манией захвата земель, – считал Р. Гамильтон, – и их Конгресс, компетентный, рассудительный и мудрый в остальных вопросах, в этом отношении так же болен, как и остальной народ» [34, vol. 1, p. 98].

В связи с этим совершенно логичным выглядело решение генерал-губернатора о созыве ополчения. В мае 1794 г. он распорядился «как можно скорее» поставить под ружьё 2000 неженатых франкоканадцев [19, vol. 101, p. 5-7]. Но сразу же столкнулся с пассивным сопротивлением абитанов. Крестьяне попросту отказывались брать в руки оружие или записываться в отряды капитанов, а у тех не имелось никакой возможности заставить их подчиняться. Нести службу согласились лишь 222 человека во всей провинции. Позже их количество увеличилось до 900, но только после того, как вербовщики обошли все 7000 военнообязанных канадцев [23, vol. 59, p. 19035-19047].

Аграрные районы наводнили самые невероятные слухи. Начиная от разговоров о нелегальности приказа о мобилизации, якобы не подписанного губернатором, и заканчивая сплетнями о планах британских властей отправить канадцев в Вест-Индию [19, vol. 101, p. 19-20; vol. 100, p. 10-11]. Поговаривали даже, что однажды записавшийся ополченец будет обязан служить всю жизнь [19, vol. 100, p. 9]. Немало неразберихи внесли и агенты Э. Жене, по-прежнему убеждавшие крестьян в скором прибытии французских войск и их союзников из США. Абитаны боялись оказаться перед необходимостью воевать со своими «соседями и братьями» [7, p. 474-475].

В этот момент отсутствие у абитанов доверия к британским властям и местным сеньорам стало особенно очевидно. Никакие уговоры не могли развеять их сомнения и страхи. В местечке Кот-де-Неижэ недалеко от Монреаля несколько сотен крестьян вооружились и организовали оборону в ожидании регулярных войск, якобы посланных ассамблеей для принуждения их к службе в ополчении [19, vol. 100, p. 355-356]. В ряде приходов священники, призывавшие абитанов вспомнить о военном долге, подверглись насилию, а в Сен-Жозеф-Нёвелль-Бос около пятидесяти вооружённых людей захватили и заключили в тюрьму офицеров, направленных к ним для сбора милиции [19, vol. 101, p. 58]. В деревне Шарльсбург около Квебека более трёх сотен абитанов, вооружённых пиками и мушкетами, несколько дней патрулировали местность, защищаясь таким образом от возможных карательных мер со стороны властей [19, p. 5, 8]. Сообщения о беспорядках поступали из разных уголков провинции, но колониальная администрация смогла избежать углубления конфликта, отказавшись как от репрессий, так и от проведения в жизнь непопулярного указа. По прошествии времени абитаны вернулись к привычным занятиям и, хотя ополчение так и не было собрано, проблема решилась сама собой.

Кажется странным, но уже в следующем году власти повторили ошибку. Словно не замечая неурожая, голода и повсеместного недовольства среди крестьян, ассамблея Нижней Канады приняла билль «Об улучшении плачевного

состояния дорог», согласно которому повинности абитанов дополнялись 12-дневными работами по их ремонту. Причём не только тех дорог, что находились рядом с местом их жительства, но и вообще любых, где это могло потребоваться, например, в отдалённых районах добычи пушнины или в городах [17, р. 1]. Первые попытки проведения в жизнь этого закона летом 1796 г. столкнулись с массовым противодействием крестьян. Жители деревень устраивали стихийные митинги и шествия, нападали на правительственных служащих, самовольно выпускали из тюрем тех наиболее активных протестующих, кого власти отправляли под арест [32, р. 73-78]. Показательна история некоего Л. Бертелё из предместья Монреаля, который всё лето публично отказывался выходить на общественные работы, а в августе 1796 г. вместе с пятью друзьями избил констебля Марстона, отправленного его арестовать. «Счастливый, что унёс тогда ноги живым», констебль вернулся с подмогой и всё-таки заключил Бертелё под стражу. Однако, как свидетельствовал генеральный прокурор С. Сьюэлл, тот не пробыл и пяти минут в заключении, когда в темницу ворвалась толпа разгневанных крестьян и его освободила [32, р. 74].

В условиях продолжавшейся англо-французской войны колониальные власти оставались весьма ограничены в средствах силового воздействия на население. Угроза вторжения по-прежнему выглядела реальной, о чём в октябре 1796 г. напомнил рейд французского флота под командованием адмирала Ж. Ришери. И как только до Канады дошли первые сведения о его появлении в районе Ньюфаундленда, среди крестьянства стали распространяться слухи о скором прибытии французских войск, несущих освобождение от английских властей, сеньориальных налогов и повинностей [19, manuscript Group 23, G. III, 13, letterbook, р. 63]. В такой напряжённой ситуации, как признавали сами британские чиновники, было два выхода: признать действия абитанов мятежом и применить силу, что было чревато непредсказуемыми последствиями, или вновь отказаться от непопулярного закона, успокоив, тем самым, широкие массы населения [32, р. 58]. Именно второй вариант и был выбран.

Поведение франкоканадского крестьянства возмущало и пугало англоязычных жителей провинции. Они по-прежнему находились в абсолютном меньшинстве среди враждебно настроенного большинства и за время беспорядков убедились в неспособности сеньоров, кюре и даже колониальной администрации контролировать стихийные проявления агрессии абитанов. Подтверждением их страхов стали выборы в ассамблею 1792 г. и 1796 г., в ходе которых многие франкоканадские кандидаты эксплуатировали ксенофобские настроения избирателей и нередко сами впадали в крайние формы нетерпимости [24, vol. 1, р. 593; 10, р. 194-216; 27, 5.07.1792; 30, s.d.* [1792], (*report on election in Quebec County*)]. «Он из тех людей, кто сможет растоптать англичан в ассамблее, – так охарактеризовал своего соратника в предвыборной речи Ж.-А. Панэ, а позже заявил уже про себя: – Наши силы неравны, но вместе со мной вы сбросите англичан с вашей шеи» [23, vol. 61, р. 19519-19520]. В 1796 г. на волне недавних массовых беспорядков число землевладельцев среди франкоканадских депутатов резко сократилось – с 13 до 4, и при этом выросло количество представителей средних и низших социальных слоёв:

* s.d. – от латинского *sine datum* – «не датировано».

мелких торговцев, ремесленников и даже крестьян. Их отличали радикальные и оппозиционные настроения. Главный судья У. Осгуд с негодованием рассказывал, что семеро новых членов ассамблеи «не умеют ни читать, ни писать, но обещали избирателям отменить все налоги и повинности» [19, vol. 22, p. 50.]. В легислатуру также были избраны такие люди, как Н. Дорион и А. Меню, которые разыскивались властями как зачинщики и организаторы недавних беспорядков, но депутатский мандат предоставил им иммунитет от уголовного преследования [28, p. 151; 19, vol. 100, p. 16-19].

С активизацией слухов о французском или американском вторжении среди англоязычных канадцев распространялись поистине панические настроения. «Не сомневаюсь, что, узнав о приближении республиканских войск, французское население провинции перережет глотки всем, кого заподозрит в симпатиях к Британии», — писал один из жителей Квебека в 1793 г. [35, p. 364].

Пользуясь приостановкой закона «О неприкосновенности личности», власти отправляли абитанов в тюрьму по первому подозрению или доносу, а те, в свою очередь, часто выходили на свободу после заступничества соседей, как это, например, произошло в описанном выше случае с Л. Бертелё. Колониальная администрация даже пыталась засылать к франкоканадцам провокаторов, но сама же их и арестовывала, заподозрив в чересчур рьяном исполнении возложенных обязанностей [19, vol. 111, p. 469-471; 25, vol. 1, p. 113-114].

Но даже карательные меры никому не давали ощущения безопасности. «Глядя на всех тех людей, кого отправили в тюрьму безо всякой на то причины... и понимая, что тебя самого в любой момент могут заклеить как «демократа», начинаешь думать, а не лучше ли вообще не испытывать судьбу и уехать куда-нибудь на время из провинции», — писал в «Квебек газетт» печатник Дж. Нилсон [26].

В поисках причин обострения межэтнических отношений необходимо иметь в виду важное обстоятельство: англо- и франкоязычные общины Канады не имели широких контактов друг с другом. Они не только говорили на разных языках, ходили в церкви противоборствовавших конфессий, но и почти буквально жили в разных мирах. Англоканадцы компактно заселяли пустующие местности Верхней Канады, а в Нижней не выходили за пределы городов, где обосновывались отдельными кварталами. Франкоканадцы полностью доминировали в сельской местности долины реки св. Лаврентия, и многие из них вовсе не встречали англичан в повседневной жизни. По данным переписи 1801 г., в деревнях Нижней Канады насчитывалось не более 50 англоязычных крестьян. При том, совокупное население колонии к этому времени достигло 200 тыс. жителей [29, p. 599]. Их представления друг о друге часто не шли дальше воспроизведения стереотипов многолетней давности, сложившихся в условиях политического и религиозного противостояния Великобритании и Франции.

Английские чиновники в своём большинстве воспринимали абитанов как «невежественную, ленивую, хитрую расу», склонную к мятежам и заговорам, готовую ударить в спину в первый же подходящий момент [19, vol. 22, p. 58]. Их нежелание служить в ополчении и заниматься ремонтом дорог объяснялось пагубным влиянием французских агентов и революционной пропагандой, легко смущавших недалёкие умы [19, vol. 22, p. 53-55]. Немногие стремились понять мотивы поведения крестьянства и никто не пытался выслушать их.

Чуть ли не самой мягкой оказалась снисходительная позиция генерал-губернатора Г. Карлтона, который не считал канадцев нелояльными и списывал случавшиеся конфликты на их «несознательность» и потерянную за мирные годы «привычку служить и работать» [19, vol. 101, p. 5].

Что же касается франкоканадцев, то они страдали ксенофобией не меньше англичан. Их стихийные протесты по поводу тяжести налогов и повинностей, созыва ополчения в пору сбора урожая или ремонта дорог в условиях голода часто направлялись не по адресу. Не имея решимости конфликтовать с сеньорами, у которых арендовали землю, проживая далеко от столицы провинции и плохо разбираясь в механизмах принятия управленческих решений, они срывали злобу на первых попавшихся «чужаках». Таковыми часто становились низовые чиновники, капитаны ополчения, священники, торговцы, особенно, говорившие на непонятном языке. Выступления абитанов были стихийны, импульсивны, и их англоязычные соседи часто даже не успевали понять, чего те хотели добиться.

Популярности ксенофобии способствовало и то, что она приносила политические дивиденды. Колониальные власти в отчётах Лондону могли списать все ошибки на отсутствие у канадцев «привычки» работать или служить, а избрание в ассамблею становилось намного проще, если кандидат в депутаты осваивал англофобскую риторику – она была проста, приносила популярность и ни к чему не обязывала, ведь не в полномочиях ассамблеи был вопрос о выходе провинции из Британской империи.

Возвращаясь к вопросу о том, почему начало англо-французской войны не стимулировало среди франкоканадцев стремления добиться независимости от Великобритании, следует отметить три особенности этнической ситуации в Британской Северной Америке конца XVIII века. Во-первых, франкоканадская община не имела единой позиции по отношению к британским властям и англоязычным соседям по провинции. Её образованная и политически активная часть в лице сеньоров, духовенства и интеллигенции в подавляющем большинстве не была настроена на конфликт и оставалась лояльной Британской короне. Что же касается крестьянства, низших и средних городских слоёв, то их протест никогда не был в достаточной степени организованным и последовательным. Во-вторых, даже те немногие активные действия абитанов, с помощью которых они выражали своё недовольство, вроде вооружённого отказа от ремонта дорог или захвата тюрем, носили исключительно оборонительный характер и заканчивались в тот момент, когда власти отменяли непопулярный закон или отказывались от жёстких мер. Не стоит преувеличивать их желание возвращения колонии под французский суверенитет: с воодушевлением встречая новости о скорой высадке французских войск или приближении французского флота, они не собирались что-либо предпринимать. И наконец, что частично следует из сказанного выше, этнический фактор сам по себе не имел для населения Канады конца XVIII века столь большого значения, которое приписывалось ему историками XIX и XX веков. У франкоязычных канадцев ещё не сформировалась какая-либо политическая идентичность и национальное самосознание, поведение абитанов гораздо чаще объяснялось сугубо практическими мотивами вроде недовольства чересчур высокими налогами, нежеланием служить в армии или нести новые повинности, нежели соображениями национально-освободительного толка. Хотя это и не отрицает наличия

традиционной враждебности ко всему «чужому», ксенофобии и стереотипов по отношению к людям иной культуры и образа жизни.

Список литературы

1. *Ильина О.В.* «Школьный вопрос» в Манитобе в контексте англо-французских межэтнических отношений в Канаде конца XIX в. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». 2014. Выпуск 59. С. 121–126.
2. *Коленеко В.А.* Французская Канада в прошлом и настоящем. Очерки истории Квебека XVII–XX века. М.: Наука, 2006. 314 с.
3. *Тишков В.А.* Освободительное движение в колониальной Канаде. М.: Наука, 1978. 384 с.
4. Annual Report of the American Historical Association for the Year 1903. Vol. 2. Washington: Government Printing Office, 1904. 565 p.
5. *Bruchesi J.* Histoire du Canada. Montréal: Beauchemin, 1954. 684 p.
6. *Brunet M.* La Révolution sur les bords du Saint Laurent // Revue d'histoire de l'Amérique française. Vol. 11. 1958-1959. P. 156-162.
7. *Brunet M.* Les Canadiens et la France révolutionnaire // Revue d'histoire de l'Amérique française. Vol. 13, 1959-1960. P. 467-475.
8. *Burt A.L.* The United States, Great Britain and British North America from the Revolution to the Establishment of Peace after the War of 1812. New York: Russell & Russell, 1961. 472 p.
9. *De Conde A.* Entangling Alliance: Politics & Diplomacy under George Washington. Durham, N.C.: Duke University Press, 1958. 556 p.
10. *De la Rochefoucauld-Liancourt F.-A.-F.* Voyage dans les Etats-Unis d'Amérique, fait en 1795, 1796 et 1797. Vol. 2. Paris: Du Pont [etc.], 1799. 349 p.
11. Garneau F.X. Histoire du Canada. Québec: Imprimerie de N. Aubin, 1845-1852. Vol. 1-3. – 558, 577, 566, 325 p.
12. Gaspé P.-A. Mémoires. Québec: N.S. Hardy, 1885. – 563 p.
13. Groulx L. Histoire du Canada français depuis la découverte. Vol. 3-4. Montréal: L'Action nationale, 1950-1952.
14. *Groulx L.* Notre Maître, le passé. Montréal, 1944. 318 p.
15. Journals of the House of Assembly of Lower Canada for 1793-1794. Québec: Printed by Order of House of Assembly, 1794. 691 p.
16. Journals of the House of Assembly of Lower Canada for 1794. Québec: Printed by Order of House of Assembly, 1795. 323 p.
17. Journals of the House of Assembly of Lower Canada for 1795-1796. Québec: Printed by Order of House of Assembly, 1796. 318 p.
18. *Kingsford W.* The History of Canada. Vol. 7. Toronto: Rowsell & Hutchison, 1892. 526 p.
19. Library and Archives Canada, Ottawa, Ontario. CO 42 (Dispatches, Letters, etc. Received by the Colonial Office).
20. Library and Archives Canada, Ottawa, Ontario. Collection Baby.
21. Library and Archives Canada, Ottawa, Ontario. FO (Foreign Office Papers), Series 5.
22. Library and Archives Canada, Ottawa, Ontario. Q Series (Colonial Office Fonds).

23. Library and Archives Canada, Ottawa, Ontario. S series (Correspondence, Reports, etc. Received by the Civil Secretary).
24. Library and Archives Canada. Manuscript Group 23. G. III, 5, Lindsay-Morrison Papers.
25. Library and Archives Canada. Manuscript Group 23, B. 1. Neilson Collection.
26. Library and Archives Canada. Record Group 4, B. 45 (1794-1811), «Declarations of Aliens».
27. Montreal Gazette.
28. Ontario History. Vol. 46. 1954.
29. *Ouellet F.* Histoire économique et sociale du Québec. Montréal: Fides, 1966. 639 p.
30. Quebec Gazette.
31. Rapport de l'archiviste de la province de Québec pour 1931-32. Québec: Redempti Paradis, 1932. 456 p.
32. Report on Canadian Archives, 1891. Ottawa: S.E. Dawson, 1892. 177 p.
33. *Tétu M.* Quebec and the French Revolution // Canadian Parliamentary Review. 1989. Vol. 12. No. 3. P. 2-6.
34. The Correspondence of Lieut. Governor John Graves Simcoe, with Allied Documents Relating to his Administration of the Government of Upper Canada / Ed. by E.A. Cruikshank. Vol. 1-2. Toronto: Ontario Historical Society, 1923-1931. 443; 455 p.
35. *Wade M.* Quebec and French Revolution of 1789: The Mission of Henri Mezière // Canadian Historical Review. 1950. P. 345-368.
36. *Wade M.* The French Canadians, 1760-1945. New York: Macmillan, 1955. 1187 p.
37. *Weld I.* Travels Through the States of North America, and the Provinces of Upper and Lower Canada, During the Years 1795, 1796, and 1797. Vol. 2. London: Printed for John Stockdale, Piccadilly, 1799. 427 p.
38. *Williamson C.* Vermont in Quandary: 1763-1825. Montpelier: Vermont Historical Society, 1949. 318 p.